

рассматривала «горбачевскую перестройку в СССР» как исторический реванш меньшевиков. Многие западные историки (например, Э.Х. Карр, автор шеститомной истории Советской России) признали, что в 1920-е гг. капитализм западноевропейского и североамериканского образца, за который ратовали меньшевики, был непригоден для России и что политика большевиков «была единственно мыслимой в тогдашних политических, экономических условиях».

В эмиграции некоторые деятели общероссийских политических партий так же, как лидер партии народных социалистов Н.В. Чайковский, предвидели и кризис либеральной демократии. Он отмечал: «...принципиальная бессодержательность современных буржуазных демократий — вот та болезнь, которая окрыляет и подpiraет большевизм до сих пор» (Мельгунов С. Николай Васильевич Чайковский в годы Гражданской войны. Париж, 1929. С. 167).

В статье «Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП)» следует уточнить положение о том, что Вторая мировая война заставила «левых меньшевиков» пересмотреть свое отношение к диктатуре Сталина и призвать к ее свержению» (с. 183). Этот тезис относится к послевоенному периоду и касается правых эсеров Марка Вишняка, писателя Владимира Набокова и т. д.

В аналитических материалах о деятельности правых партий и организаций следует обратить внимание на то, что руководство «Союза русского народа» было многонациональным и включало даже евреев Гурлянда и Грингмута (см.: Энциклапедыя гісторыі Беларусі. Мн., 2001. Т. 6. Кн. 1).

В содержательной, глубоко аргументированной статье «Белорусская партия социалистов-революционеров» необходимо было кратко осветить взаимные связи белорусских эсеров с российскими в 1921–1927 гг. В отличие от меньшевиков, которые в эмиграции не имели контактов с национальными партиями и организациями, их российские коллеги выступали против Рижского договора 1921 г. за конфедерацию народов России, Беларуси, Украины, ибо считали Советский Союз «по существу весьма централизованным государством». В марте 1919 г. правые эсеры в меморандуме Бернской международной социалистической конференции II Интернационала отмечали, что белорусы исторически более привязаны к России, чем к Польше.

Положительно оценивая рецензируемую книгу, следует иметь в виду то обстоятельство, что история объективной до конца быть не может, так как всегда существует субъективный подход к историческим событиям, но важно историю не переписывать.

Следует обратить внимание на частные погрешности, которые могут быть устранены при переиздании данного пособия. В книге встречаются опечатки (с. 144, 145, 213, 246).

На с. 198 дана завышенная цифра численности партии эсеров — в один миллион, а в действительности их было 400–500 тыс. На наш взгляд, следует дать определение поня-

тия «политическая партия», типов революций, подчеркнуть, что к 1917 г. было более 50 партий, в частности в Беларуси — 22; дать классификацию партий правого и левого толка, отменить их различия. В список литературы включить книгу израильского историка З. Галили «Лидеры меньшевиков в России» (М., 1990).

Желательно в предисловии или по тексту отдельных аналитических материалов изложить довольно сжато взгляды идейных предшественников политических партий, т. е. марксизма, народничества (революционного и либерального), и особенно западников и славянофилов, ибо политическая борьба между последними пронизывала общественно-политическую жизнь России и Беларуси в начале XX ст., и в рядах ведущих партий от кадетов, эсеров, большевиков, меньшевиков были и те и другие (кадеты П.Н. Милуков, В.А. Маклаков склонялись к славянофильству, П.Б. Струве, А.С. Изгоев — к западничеству; В.М. Чернов у эсеров — славянофил, Л.Д. Троцкий — западник и т. д.).

Все замечания легко устранить при переиздании и не повлияют на объем книги, которая будет полезна всем интересующимся историей нашей республики.

Э.А. Липецкий,

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и белорусоведения Минского государственного лингвистического университета

Игорь Лисовы. Щедрая палитра геликонских муз: Очерки об исследовании древнегреческой истории и культуры в Чехословакии (1845–1990). Афины, 2000. 238 с.

Автор разделил содержание монографии на две части. Первая посвящена организации античной науки и возникновению историографии в качестве ее составляющего элемента в Чехословакии. Вторая раскрывает проблемы крито-микенской и гомеровской цивилизаций, архаической Греции, ее социально-политического и экономического развития в период расцвета и кризиса рабовладельческого полиса, а также эллинистической эпохи.

Библиография и примечания имеют не меньшее значение, чем основные две части книги. Библиография включает более тысячи работ не только антиковедов Чехии и Словакии, но и ученых Советского Союза, европейских стран, с которыми осуществлялись непосредственные контакты или идейно-научные связи, что свидетельствует о тесном общении антиковедов. Примечания представляют энциклопедический справочник по персоналиям и некоторым вопросам античной истории. Историограф устанавливает научную традицию, восходящую к филологическим исследованиям М. Тырша и Я. Квичалы, положившим начало источниковедению, которое и проторило путь для З. Высоки, занявшегося непосредственно античной историей. В 1950-х гг. Чехословацкая и Словац-

кая академии наук, соответствующие институты археологии и кафедры в университетах Праги, Брно, Оломоуца организовали исследования по широкому кругу проблем антиковедения.

Я. Буриан выделил три фактора, повлиявших на возникновение древних цивилизаций: природа, время и общество в качестве их творцов. Установлено наличие "общей земли", "частной земли", централизованного управления микенских обществ. Микенская цивилизация – не ответвление критской, а результат деятельности людей иного этнического происхождения (С. Лурье, А. Бартошек).

Самоназвание "эллины" и самосознание племен формировались благодаря разного рода их общению с окружающим населением. Великая греческая колонизация сыграла в этом смысле решающую роль (П. Олива, Я. Печирко, Г. Кошеленко).

Я. Печирко отметил противоречие между античной формой собственности и развивающимися элементами товарного производства на основе рабского труда. Право неграждан на движимую и денежную собственность подрывало полис как общину граждан. С образованием афинской "архэ" афинский полис эксплуатировал граждан союзных полисов. По верному замечанию А. Лисового, развитию Афин был дан мощный толчок, несовместимый, однако, с полисными рамками. Р. Гоек показал народность творчества Аристофана, боровшегося с поджигателями войны.

Внимание исследователей привлекали спартанская илотия, восстание илотов, формирование войска из "неоомодов", потеря спартанскими гражданами своих прав после событий 371–369 гг., преобразования в Спарте в эллинистический период. А. Вавржинек считает расширение греческой городской цивилизации на Восток при Александре Македонском важной чертой эллинизма. По мнению П. Олива, эллинизм – также и новый этап в многостороннем развитии Восточного Средиземноморья, который оказал влияние на западную римскую цивилизацию. А. Вавржинек написал историю о социальных потрясениях в Пергаме, восстания Аристоника, организации римской провинции Азия в контексте законов Т. Гракха.

Историки Чехословакии, СССР, ГДР и ВНР в 1972 г. в Либице провели плодотворную конференцию "Социальные проблемы в эллинизме и в римском государстве", на которой отмечалось наличие скифской и кельтской культур в эпоху эллинизма. К. Курц обосновал необходимость рассмотрения истории иллирийцев в рамках эллино-римского мира.

Б. Свобода изучал латенскую культуру на землях Чехии, торговые отношения земель с Римом в I в. н. э. Я. Филиппа показал существование государства Маробада в среднечешской области, где наблюдалась социальная дифференциация населения.

Чешские исследователи не обошли вниманием вопросы истории эллинистического и римского Египта, монархии Селевкидов, Ан-

тагонидов, Родоса, Пергамского и Боспорского царств.

Все вышеуказанное показывает, что в монографии И. Лисового изображена историография Чехословакии как науки, в которой отражена в чем-то незавершенная и противоречивая, но в общем целостная картина античного мира.

М.С. Корзун,

доктор исторических наук, профессор

П.С. Лемещенко. Теоретическая экономика: структура, классические традиции и новые тенденции. Мн.: БГУ, 2001. 299 с.

Как показывает история экономической науки, сама хозяйственная жизнь, людям свойственно проявлять удивительную твердость и настойчивость, предлагая устоявшиеся подходы, известные апробированные категории, модели и прочие гносеологические инструменты для выяснения и объяснения абсолютно различной социально-экономической среды, имеющей стремительную динамику. П.С. Лемещенко прав, когда в своей монографии отмечает "научную странность", характерную особенно для современного периода социально-экономического бытия: устойчивую приверженность существующим научным традициям вместе с известной и необходимой специализацией (присущей в том числе и экономической науке), которую автор называет "дефектом знания". Его суть состоит в том, что отдельные фрагменты знания, получаемые доминирующей сегодня неоклассической теорией, исследовательские традиции которой основываются на получении частного, "короткого" знания, не создают целостной картины современной динамичной и сложной хозяйственной практики. Вполне понятно тогда, что неверное знание и искаженная информация об объективной реальности закладывают основу для неадекватных действий и решений разного уровня руководства. Если же предположить, что оно представлено конкретными персоналиями, имеющими свой уровень теоретической подготовки и иногда достаточно явно выраженные корпоративные или эгоистические интересы, то более отчетливо выявляются и причины неверных и ошибочных решений. И одна из них, как правильно отмечается в работе, – это потеря экономической наукой ее эвристической функции или, иначе говоря, чужья на истину. Для решения же современных мировых проблем, острота которых дает о себе знать все более явственно и ощутимо, адекватность отражения динамично происходящих процессов является актуальным и важным фактором. И ни один общественный институт, кроме экономической науки, не сможет преодолеть немалое количество мифов и ошибок, накопившихся к началу текущего тысячелетия.

В те или иные времена почти каждая наука сталкивается с кризисом, которому предшествуют объективные и субъективные пред-